

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

В настоящее время системное исследование проникает во все области знания. Все большее значение оно приобретает и в социологии.

Известно, что именно К. Маркс дал блестящий образец анализа социальных систем, в частности системы экономических отношений капиталистического общества.

Когда мы говорим о системном исследовании общественных явлений, то речь идет, по сути дела, об определенном способе объяснения эмпирических данных. Такой способ заключается в отнесении какого-либо общественного явления к определенной социальной системе, ее структуре. В современной логике научного познания системное исследование оценивается в качестве одного из основных способов объяснения, теоретического анализа объекта (см. В. А. Смирнов. Уровни знания и этапы процесса познания. Сб. «Проблемы логики научного познания». М., 1964).

В современной американской социологии задача системного исследования формулируется как задача объяснения эмпирических данных. Такую формулировку можно найти в работах известных американских социологов Т. Парсонса и Р. Мертона (см. T. Parsons. *Essays in Sociological Theory*. Glencoe, 1949, p. 21; R. Merton. *Social Theory and Social Structure*, 1957, pp. 46–47. Системные подходы Парсонса и Мертона сравниваются в работе Голднера; см. «Symposium on Sociological Theory», Evanston, 1959, pp. 242–248).

Анализируя принципиальные возможности системного подхода в общественных науках, следует иметь в виду, что характер системной модели¹ определяется прежде всего выбором основного принципа построения системы, в зависимости от которого могут существенно различаться представления об обществе-системе как предмете исследования. Здесь мы сталкиваемся с некоторой неоднозначностью «выделения» возможных систем, которая возрастает в случае более

---

¹ Под «моделью» здесь и далее понимается определенная концептуальная схема, теория, в рамках которой анализируются изучаемые явления.

сложных объектов. Эта ситуация описана в статье Р. Эшби: «Так, разветвленное городское хозяйство Нью-Йорка представляется совершенно по-разному экономисту, социологу, инженеру-связисту, историку и так далее. Когда эти специалисты говорят «это система», они в действительности имеют в виду совершенно различные вещи и, начиная спорить о свойствах этой системы, вскоре приходят к путанице» («Вопросы философии». 1964, № 3, стр. 81).

Данная проблема ставится и в работах советских авторов, посвященных методологии системного исследования (см. В. Н. Садовский. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы. «Социология в СССР», т. 1, М., 1965).

* * *

Не следует, однако, забывать, что в социологии системные модели, «проекции» изучаемого объекта определяются не только задачами исследования и имеющимися в распоряжении исследователя средствами и т. д., но и в значительной степени классовым интересом, социальной позицией теоретика-идеолога.

В последнее время в социологии Запада широко используется ценностно-нормативная модель общества. Такая модель представляет собой единую концептуальную схему, которая объединяет различные тенденции и школы в социологии и имеет специфический, присущий данной концепции «язык». Что представляет собой эта концептуальная схема? Заключает ли она в себе некоторое объективное содержание? В какой степени правомерен «ценностно-нормативный» подход к обществу, принцип построения системной модели, и в каком смысле этот принцип определен классовым, социальным интересом? Прежде чем ответить на все эти вопросы, необходимо иметь некоторое представление о ценностно-нормативной картине общества. С этой целью обратимся к типичному для западных социологов пониманию социальной системы. «Социальная система, — пишет Парсонс, — состоит из множеств индивидуальных актеров, взаимодействующих друг с другом в пределах культурных, разделяемых ими символов» (Т. Parsons. Social System. Glencoe, 1951, pp. 5–6).

Согласно такой точке зрения, нормы, образцы поведения, принятые «ценности» — это тот узелок, который «завязывает» действующих лиц в систему. Именно «ценности» обуславливают способ организации, структуру системы. У. Колб, например, считает, что ценности

«определяют и самый факт и способ интеграции в социальных системах» (см. Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория. М., 1961, стр. 142). Этот тезис распространяется на все социальные системы, начиная от групп, характеризующихся непосредственными контактами, и кончая обществом. В некоторых работах подчеркивается необходимость дифференцирования систем разных уровней (см. статью Т. Парсонса «Общетеоретические проблемы социологии» в кн. «Социология сегодня...». М.: Прогресс, 1965). Тем не менее важно отметить, что в определенном смысле между системами различных уровней нет качественного различия, ибо все они, как считает Парсонс, могут быть познаны посредством отнесения элементов системы — действий индивидов, «культурных компонентов» — к системе ценностей, понимаемой как совокупность оценок, представлений о хорошем и плохом, справедливом и несправедливом, должном и недолжном.

Некоторой иллюстрацией ценностно-нормативной модели общества могут служить следующие рассуждения: люди в обществе исполняют различные роли (например, роль матери, отца, мужа, жены, продавца, покупателя, учителя, учащегося и т. д.). Каждая роль характеризуется совокупностью соответствующих образцов, способов поведения, предписанных определенными правилами, одни из которых являются официально санкционированными, формально законными, другие — предписанными общественным мнением. Роли институционализированы, то есть они «поставляются» определенными институтами (типами отношений данного общества). Одни правила поведения воспринимаются человеком как «внешние», другие превратились в его «личное» желание. Институт семьи, например, определяет роль матери, отца, мужа, жены, институт образования — роль учащегося, учителя и т. д. Но в рамках этих предписаний различие «конкретных систем», групп личных контактов «обусловлено» специфическими «ценностями» именно этой группы. Один школьный класс, например 5 «А», отличается от другого — 5 «Б» следующим: в 5 «А» «принято» считать, что отличником, аккуратным и добросовестным учеником быть хорошо (то есть этот тип поведения «высоко ценится»), а в 5 «Б», напротив, считается, что отличник — это «подлиза», несимпатичный «пай-мальчик». Здесь одобряется поведение «сорванцов», их «независимость», их «смелость» и т. д. Система ценностей определяет, таким образом, «лицо» класса, а также «место, статус» различных учащихся в данной системе отно-

шений, их «популярность», степень влияния различных учеников на поведение других.

При ценностно-нормативном подходе к обществу система ценностей выполняет аналогичную функцию и в обществе (системе национального масштаба). Парсонс пишет по этому поводу: «На вершине системы находится общество как целостная система, в наше время организованная в виде единого политического коллектива и институционализирующей единой более или менее интегрированной системы ценностей» (сб. «Социология сегодня», стр. 30. Разрядка моя. — *И. П.*). Система ценностей общества-культуры, по мнению Парсонса, определяет «лицо» общества, положение различных институтов в нем, она служит также основой классификации различных обществ (см. Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория, стр. 142–149). Принципиальная возможность рассмотрения систем различных уровней в рамках единой концептуальной схемы нами не оспаривается; при анализе теории Парсонса мы концентрируем внимание лишь на том, что любые социальные системы в рамках подобной теории характеризуются посредством отнесения их к системе ценностей. Однако следует иметь в виду ту определенную трактовку системы ценностей, которая присуща социологии капиталистических стран: во-первых, отрицается какой бы то ни было объективный критерий самой ценности; во-вторых, затушевывается факт существования полярных ценностей, их классовая противоположность.

Что же представляет собой данная концепция, если рассматривать ее с точки зрения способа построения системной модели, какого рода ограничения накладывает данная концептуальная схема на социологическую теорию?

Для выяснения способа построения «ценностной» модели социальной системы воспользуемся определением системы «как множества объектов, на которых реализуется отношение с заранее определенными свойствами» (А. И. Уемов. Основные принципы классификации систем. Сб. «Материалы к Симпозиуму по логике науки», Киев: Наукова думка, 1966, стр. 146), ибо для того, чтобы представить совокупность, множество вещей как систему, недостаточно констатировать наличие отношений между вещами. Необходимо также выделить то свойство отношений, которое будет играть роль системообразующего признака. Одно и то же множество, совокупность объектов может представлять собой различные системы

в зависимости от того, какое свойство будет системообразующим. Символически компактная запись схемы определения системы будет выглядеть так: $[R(m)]P$, где P — свойство отношения R , реализуемого на множестве вещей m (см. там же).

Общество, рассматриваемое в самом общем смысле как совокупность людей, может быть представлено как определенная система отношений между людьми в зависимости от того, какое свойство отношений между людьми выступает в качестве систематизирующего. Выбор данного свойства, обусловленный возможностями исследования, социальными симпатиями исследователя и поставленной перед ним задачей, и определит тип модели социальной системы, характер концептуальной схемы, при помощи которой он будет описывать и объяснять общество. В ценностно-нормативной модели в качестве свойства, которое формирует людей в систему, выступает «ценностная ориентация личности». Она определяет облик социальной системы, ее структурные единицы: действующая личность (ego), другие действующие лица (alter) и «культурные единицы — символические элементы культурных традиций, идей или верований, ценностных образцов» (Т. Parsons. *Social System*, p. 4).

В понимании «ценностной ориентации», а также характера систематизирующего свойства возможны и некоторые варианты. «Ценностная ориентация» может рассматриваться и как эмоциональное, аффективное приспособление, и как традиционное, привычное отношение, и как рациональное следование долгу.

Все эти отношения могут служить ориентацией на внешние (в этом смысле «чуждые») силы. Ориентация в то же время может рассматриваться как «внутренняя» потребность самой личности, когда некие ценности «интериоризованы» и выступают как желания, интересы человека.

О различной трактовке «ценностной ориентации» мы будем говорить далее. Здесь же необходимо отметить лишь то, что при всех вариантах «ценностная ориентация» как свойство отношений, образующих систему, — это всегда отношение оценки, выражаемое суждением ценности (см. О. М. Бакурадзе. *Истина и ценность. «Вопросы философии»*, 1966, № 7). Поскольку выделение системы «различных уровней» осуществляется на основании одного и того же системообразующего свойства, качественного различия между этими системами нет. Больше того, систему низшего уровня при таком подходе можно рассматривать как «часть» (здесь понятие «часть» в отличие от

понятия «элемент» употребляется для обозначения того, что обладает свойствами «целого») системы высшего уровня или как ее модель. И хотя системы различных уровней строятся на основе рассмотрения различных совокупностей людей, тем не менее «тип реальности», с которым имеют дело при использовании данной системной модели, остается тем же самым. Поэтому «концептуальные схемы» американских социологов, занимающихся изучением «малых групп» (Хоумэнс, Бойлс и др.), и социологов, анализирующих «общество» (Парсонс, Беккер и др.), поразительно сходны.

«Оценочность» как свойство отношений, образующих систему, определяет отбираемые исследователем отношения, понимание их структуры социальной системы, способ рассмотрения ее организации.

Элементами системы при таком подходе являются не просто люди, а личности, играющие определенные социальные роли¹; социальная роль, по существу, рассматривается как «вещь» (m ср), ценностная ориентация — как отношение $R_{\text{ц}}$ и оценка — как системообразующее свойство P_o (то есть имеет место система $[R_{\text{ц}} (m \text{ ср})] P_o$).

Правомерен ли выбор данного свойства отношения и какими социальными задачами определяется этот выбор?

Выбор «оценки» в качестве системообразующего свойства отношения связан с попытками рассматривать общество как совокупность индивидуальных действий при сохранении определенных личностно-психологических характеристик. Поскольку личностно-психологический характер индивидуального действия всегда определяется «выбором», «оценкой», последняя является существенной чертой межличностных связей.

Оценочное отношение личности, выступающее как «ценностная ориентация», представляет собой важнейшую черту межличностных взаимодействий, а ценностные ориентации — один из важнейших элементов структуры личности. В ценностных ориентациях как бы аккумулируется весь жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии человека. Ими направляется решение многих жизненных вопросов. «Наличие устоявшихся ценностных ориентаций характеризует зрелость человека как личности» (сб. «Человек и его работа». М.: Мысль, 1967, стр. 237).

---

¹ Понятие «социальной роли» подробно анализирует И. С. Кон в первой главе своей книги «Социология личности», М., 1967.

Именно потому, что «ценностная ориентация» является существенной характеристикой взаимоотношений людей, системная модель общества, построенная на основе данного системообразующего свойства, может иметь некоторое теоретическое и практическое значение при изучении поведения людей (особенно массового поведения). Для упрощения решения задачи следует временно отвлечься от «конечных мотивов», определяющих их поведение, и выяснить то, что непосредственно, то есть через действие внутреннего личностно-психологического механизма, определяет это поведение. Хотя мотивы и цели поведения людей в конечном счете обусловлены объективными, независимыми от субъектов причинами, индивидуальное действие целенаправлено и мотивировано.

По отношению к индивиду как субъекту все общественные процессы и само общество выступают как совокупность норм, правил поведения, регламентаций, требований и идеалов. Рассмотрение общества с этой точки зрения, то есть с точки зрения подобной теоретической абстракции, является правомерным. Но может создаться впечатление, что такое описание дает лишь картину «идеологических отношений» общества, а производственная деятельность выпадает из поля зрения исследователя. На самом же деле здесь может быть учтено все, но учтено под определенным углом зрения. «Нормы, правила поведения», которые относятся обычно к области моральных отношений, характерны и для области политических отношений, отношений в области искусства, науки, производственных отношений. Все практические отношения различного типа (институты общества) в определенном смысле выступают как совокупность требований к индивиду, правил, регламентаций его поведения. Больше того, даже «вещественный мир общества», включающий орудия труда, можно представить как «вещественные способы действия»; правила действия, которые были приняты, признавались полезными и высоко ценились на данном этапе развития общества. Можно сказать, что совокупность правил, требований и регламентаций в некотором смысле оказывается для субъекта «непосредственно воспринимаемым» миром, который его формирует. Противоречивость общества, несоответствие одних институтов другим, его антагонизмы проявляются для личности как несоответствие, антагонизм тех требований, которые предъявляют к ней существующие институты. Неслучайно поэтому состояние личности является, как правило, барометром общества.

Ценностно-нормативная модель (если эта модель построена правильно и отражает реальные отношения) — это картина общества, преломленная через «массовое сознание, сознание классов и социальных групп». Такая ситуация описана в нашей литературе следующим образом: «...Сведение массовых представлений к их реальному содержанию отнюдь не устраняет их субъективной формы. Естественноисторический процесс при всей объективности определяющих его законов является деятельностью людей. И люди не могут реализовать законы истории иначе, как действуя в соответствии со своими материальными интересами. А эти интересы необходимо приобретают идеально-субъективную форму устремлений, желаний, мыслимых целей, *субъективного* отношения к существующей действительности. Создается определенный комплекс представлений, закрепляющих наиболее существенные моменты данного отношения и обладающих известной устойчивостью.

Хотя эти представления и выражают в конечном итоге тенденции исторического процесса, не так-то просто разглядеть это их содержание, тем более самим участникам данного процесса» (О. Г. Дробницкий. Некоторые аспекты проблемы ценностей, сб. «Проблема ценности в философии». М.-Л.: Наука, 1966, стр. 29. Разрядка моя. — *И. П.*).

В ценностно-нормативной модели общества действительно весьма сложно и в некотором смысле искаженно отражены тенденции исторического процесса; тем не менее данная концептуальная схема соответствует определенным социальным задачам. Она помогает решать проблемы, которые общество ставит перед социологом.

«Ценностно-нормативный» подход к обществу служит задачам социального контроля, понимаемого как управление массовым поведением. С помощью ценностно-нормативной модели общества действительно можно нащупать те механизмы, посредством которых «идеи овладевают массами», обнаружить те силы, которые делают идеи практически значимыми.

Нельзя сказать, что при построении ценностно-нормативной модели общества полностью игнорируются другие общественные отношения (например, практические объективные отношения). Они просто преломляются сквозь призму оценочного отношения.

Безусловно, создание картины общества как совокупности объективных отношений необходимо: необходим анализ объективного состояния производства, характера производственных отношений, положения различных социальных групп. Но для управления поведением людей, их действиями важно также знать, как все это преломляется в их сознании, каков механизм воздействия этих практических отношений и объективных потребностей на мотивы поведения людей, каковы те цели, которые они перед собою ставят. Нельзя не видеть того факта, что создание ценностно-нормативной модели общества отражает в какой-то степени и логику развития самой социологической теории, ее внутренние потребности. Она отражает, в частности, стремление к объединению микро- и макроподхода к обществу, эмпирической и теоретической социологии (аналогичная проблема ставится и в физике, и в биологии).

В условиях буржуазного общества потребности развития самой социологической теории частично совпадают с социальными задачами господствующего класса, с потребностями социального контроля — этим объясняется не только выдвигание на передний план ценностно-нормативной модели общества и ее активная пропаганда, но и абсолютизация (что особенно важно подчеркнуть) данной концептуальной схемы.

Сами американские социологи указывают на то, что ценностно-нормативный характер модели социальной системы определяется задачами социального контроля (см. Ch. Loomis. *Social Systems*, Princeton. 1960, p. 17).

В нашей литературе неоднократно подчеркивалось, что эволюция социологии в капиталистических странах привела к превращению ее в «теорию поведения». Предметом социологии объявляются «межличностные отношения», причем такое понимание предмета социологии присуще представителям различных, даже в некотором отношении противоположных социологических школ (см. Н. В. Новиков. *Современная буржуазная социология и «социальный бихевиоризм»*, сб. «Философия марксизма и неопозитивизма». М., 1963).

Как отмечает один из американских исследователей, подход «современных социологов к обществу является более «бихевиористским», так как в качестве структурных единиц выделяются поведенческие действия или совокупность отношений как склонностей к действиям» («Symposium on Sociological Theory», p. 172). «Бихевиористский» подход нашел отражение и в толковании социальной си-

стемы как «...способа организации действующих элементов в связи с устойчивыми или упорядоченными процессами изменения взаимодействия образов множества индивидуальных действующих лиц» (Т. Parsons. Social System, p. 3).

Данная концептуальная схема позволила американским социологам — супругам Лумис — в книге «Современные социологические теории» проанализировать социологические концепции семи известных американских социологов (Беккера, Дэвиса, Хоуменса, Мертона, Парсонса, Сорокина, Уильямса), что объясняется определенной общностью их концепций (хотя в них есть и некоторые различия), а именно тем, что эти социологи, как указывает У. Мур, придают большое значение целям людей, их чувствам, верованиям и нормам, учитывают сознательно мотивированные действия на «межличностном уровне» («Modern Social Theories. Selected american Writers». Toronto, N. Y., London, 1961, pp. XXIII—XXIV).

Давая марксистскую оценку этой метаморфозы социологии в капиталистических странах, важно отметить, что «бихевиористский» подход к обществу (фиксируемый в ценностно-нормативной модели), определяемый задачами социального контроля, управления массовым поведением, выдается в рамках этой социологии за единственно возможный и приемлемый. Один из возможных аспектов изучения общества рассматривается в качестве синонима социологии, социологической теории.

Хотя частично, как уже указывалось, логика развития социологической теории может совпадать с интересами господствующего класса, в абсолютизации данной концептуальной схемы выражено стремление выдать социальный интерес господствующего класса за всеобщий интерес.

Нельзя не видеть и того, что абсолютизация ценностно-нормативного подхода к обществу отражает факт зависимости социолога капиталистического общества от конкретного состояния «массового сознания», характерного для данного общества¹. Все это необходимо иметь в виду при анализе ценностно-нормативной модели общества. Рассмотрим данную концептуальную схему подробнее.

---

¹ Интересный анализ природы «массового сознания» капиталистического общества и связи ее с постановкой и решением проблемы ценностей в буржуазной аксиологии дает О. Г. Дробницкий в статье «Некоторые аспекты проблемы ценностей» (см. сб. «Проблемы ценности в философии»).

Выше уже указывалось на то, что ценностно-нормативная модель общества фиксирует, по существу, структуру личностно-психологических, субъективных отношений. Тем не менее следует отметить, что «субъективность» эта имеет лишь определенный смысл: это — отношение «оценки». «Личность», «субъективность» присутствует здесь как бы в скрытом виде, ибо отношение и взаимодействие ролей в обществе рассматриваются как некоторая структура, существующая независимо от личностей, играющих эти роли. Это как бы «пазы» (vehicle), то есть те объективные рамки, в пределах которых действуют люди. Под влиянием «культурной антропологии» (Рэдклифф-Браун и др.) в ценностно-нормативной модели социальная структура часто представляется как организация «позиций».

Социальная структура — это не отношение между людьми, а отношение между «социальными позициями» (ибо люди могут меняться, а социальные позиции остаются). Социальная организация, «независимая» от личностного, субъективного отношения, — это так называемая «формальная организация». Она характеризуется четко поставленной целью, элементы ее исполняют определенные функции: например, на любом предприятии существует определенная официальная структура, то есть позиции директора, начальников цехов, мастера, рабочего и т. д. В ценностно-нормативной модели эта «формальная организация» определяется тем, каково официальное положение (формальный статус) различных позиций.

Но в любой формальной организации существует неофициальная структура, связанная со скрытыми функциями. Эта структура в противоположность безличной формальной организации является структурой личностных, собственно-субъективных отношений (отношений симпатии — антипатии, уважения — неуважения и т. д.). Поэтому реальной проблемой является также проблема соотношения формальной и неформальной организации. Допустим, позиция директора, имеющая высокий «формальный статус», может иметь низкий «неформальный статус» и т. д. Если «субъективность» отношений неформальной организации совершенно очевидна, то о «субъективности» отношений формальной безличной организации можно говорить лишь в том смысле, что она может рассматриваться как иерархия «оценок».

Понятие «позиция» и понятие «социальная роль» близки по смыслу. Позиция — это социальная роль с учетом ее места в целостной со-

циальной системе. Аналогичным понятием является понятие статуса. Поэтому часто употребляется термин «статус-роль», хотя некоторые социологи предпочитают термин «позиция», считая термин «статус» весьма неопределенным (см. G. Mitchell. *Sociology. The Study of Social Systems*. London, 1959, p. 32).

«Место» социальной роли в целостной социальной системе определяется тем, «как оценивается» тот или иной вид деятельности. Категория «социальной роли», будучи включена в определенную систему категорий, приобретает тот смысл, который определяется способом «вычленения» системы.

Это очень важно учитывать в том случае, когда мы оперируем понятием социальной роли.

И. Кон совершенно верно указывает на то, что понятие социальной роли дает возможность перейти от личности к обществу, ибо «социальная роль предполагает определенное социальное положение, позицию, занимаемую индивидом в системе общественных отношений. А это, в свою очередь, соотносится с обществом как целым» (И. Кон. *Социология личности*, стр. 16).

Основное место в ценностно-нормативной концепции общества занимают понятия «норма» и «ценности». Поэтому следует дать хотя бы краткий их анализ.

Понятие ценности в американской социологии употребляют в самых различных смыслах. Под ценностью понимают объект желания, ориентации. Ценность иногда рассматривается как установка личности или же как предпочтение одних мотивов и целей другим. Понятие «ценности» употребляется также для обозначения аффективного качества в отношениях «желаемого», то есть того, что влияет на выбор целей и имеющихся в распоряжении средств. Ценности рассматриваются часто в их отношении к понятию «справедливость» и в таком понимании выступают скорее не как цели действия, а как «критерии», посредством которых избираются цели.

Понятие «нормы» обычно подчеркивает значение «долженствования», «следования». Но понятие «нормы» трактуется и более «широко», когда каждый социальный обычай, «культурный элемент» рассматривается в качестве «нормы». Под «социальными нормами» понимают, как правило, типичные для того или иного общества способы поведения. В данном случае обществу приписывается нормативная структура, имеющая непрерывную градацию от чисто технических или бытовых норм (как варить еду, как строить дома) до

моральных, правовых норм (не убий, не укради). Промежуточную роль играют конвенциональные нормы (обычай, этикет и т. д.) и эстетические нормы (стандарты вкуса, красоты и т. д.). Но при таком понимании нормы понятия «нормы» и «ценности», по существу, отождествляются. Общим знаменателем, к которому приводятся эти понятия, служит отношение оценки, лежащее в основе ценностно-нормативного действия.

Аналогичную трактовку отношения оценки можно встретить и в марксистской литературе. В статье Бакурадзе, на которую мы уже ссылались, верно подмечено переплетение долженствования, целенаправленности и желаемости в понятии ценности. Поступки и нормы поведения людей могут рассматриваться и как социальные носители ценностей (см. В. О. Василенко, *Ценность и оценка*. Киев, 1964, стр. 58). Следует согласиться с Василенко в том, что оценочное суждение (фиксирующее оценочное отношение) не исчерпывается этическими и эстетическими суждениями, а включает в себя ряд других суждений, охватывающих, по существу, все самые различные проявления человеческой деятельности — политическую деятельность, познавательную и т. д. (см. там же, стр. 131). Интересны соображения Василенко и относительно оценочного характера познавательной деятельности — так называемой «презумптивной оценки», присущей любому знанию (см. там же, стр. 137).

Эта характеристика оценочного отношения позволяет создать на его основе такую картину общества, которая охватит все сферы человеческой деятельности. Человеческое действие следует охарактеризовать как «знание — желание — нормирование», отождествляя таким образом ценности и нормы и объединяя возможные варианты оценочного отношения. «Обсуждая ценности на человеческом уровне, — пишет Беккер, — возможно... говорить о проблемах, часто прибегая к термину нормы». Люди, отмечает далее Беккер, часто не имеют даже и смутного представления о том, что их данные пропускаются через нормативный фильтр (см. Г. Беккер и А. Босков. *Современная социологическая теория*, стр. 166).

* * *

Классификация систем в рамках ценностно-нормативной теории будет обусловлена конкретным характером оценки. Последний определяет иерархию элементов, тип системы. Так, например, можно

различать системы «внутреннего и внешнего типа», так же как различают понятия «общности» и «общества». Первые определяются аффективным отношением, нормами вкуса и моральными нормами (моральные нормы здесь трактуются как «желаемое», то, что стало внутренней потребностью); основным элементом этих систем являются чувства. В системах «внешнего типа», которые определяются отношениями долженствования, познавательными нормами, основными элементами являются цель, знание. Более конкретные совокупности людей также можно классифицировать в зависимости от характера нормы, формирующей людей в систему: научная система, например, характеризуется нормами «обоснованности», «надежности» и «объективности», производственная система — нормой «эффективности» и т. д.

Аналогичный критерий лежит и в основе типологии общества, которую дает Беккер (см. там же, стр. 151). В данной концептуальной схеме любая социальная система определяется как «нормативный порядок». Необходимо подчеркнуть, что классификации такого рода имеют смысл лишь в данной концептуальной схеме. Теоретическое и практическое значение классификаций такого рода обусловлено рамками данной модели, ее возможностями и недостатками. Возможности же ценностно-нормативного подхода к обществу ни в коем случае не следует абсолютизировать. Систему, построенную таким образом, нельзя превращать в некую отмычку, якобы позволяющую «все открыть» и «все понять» в обществе. Существует целый ряд проблем, которые не могут быть решены в пределах данной социологической теории. К таким проблемам, в частности, относится проблема изменения системы. Не случайно в «структурно-функциональном анализе» концепция системы имеет скорее апологетически-утилитарный смысл: она позволяет решить вопрос, как воздействовать на данную систему функционирования так, чтобы обеспечить ей «равновесие» и «стабильность». Уже в этом проявляется ограниченный характер данной системной модели. При абсолютизации ценностно-нормативной концепции ее ограниченность интерпретируется как недостаток, свойственный социологии вообще. Так, Парсонс считает, что на современном уровне развития знаний не может быть создана общая теория изменения общества.

В рамках ценностно-нормативного подхода к обществу не может быть глубоко и всесторонне решена и проблема противоречивости самой системы ценностей, не может быть объяснено наличие про-

тивоположных систем ориентации, существующих в одном и том же обществе и свидетельствующих о противоречивости его развития. Эти вопросы тесно связаны с поставленной, но также нерешенной (в рамках ценностно-нормативной концепции) проблемой «социальной патологии», «дезорганизации», «дисфункциональности» социальной системы.

Американские социологи в «противоречивости» системы ценности видят объяснение конфликта личности и господствующей системы отношений, а также проявлений этого конфликта — преступности, алкоголизма, психических заболеваний. Р. Мертон в работе «Социальная теория и социальная структура» рассматривает «противоречивость системы ценностей» как несовместимость «норм-целей» и «институциональных средств» (Ю. А. Замошкин в книге «Кризис буржуазного индивидуализма и личность» интерпретирует данное противоречие как противоречие между «нормами-целями» и «нормами-рамками»). Хотя «институциональные средства» у Мертона — это тоже правила поведения (правила, носящие принудительный характер), такое их истолкование весьма знаменательно. Оно создает иллюзию выхода за пределы ценностно-нормативной модели, иллюзию противопоставления «норм-целей» чему-то такому, что не является нормами. На самом деле Мертон, как и другие представители структурно-функционального анализа, исходит из «ценностно-нормативного» понимания социальной системы. Это понимание соответствует определенному уровню объяснения, за пределами которого возникает целый ряд вопросов, которые не могут быть решены в рамках данной концептуальной схемы. Например, остается открытым вопрос, откуда берется сама система ценностей, чем объясняется ее противоречивость. Чем порождается конфликт между формальной организацией и неформальной? Можно ли предсказать степень этого конфликта и несовместимости? По существу, речь идет об объяснении «объяснений», и оно может быть достигнуто лишь при построении другой системной модели, анализе социальной системы на основе другого системообразующего признака.

В данном случае мы сталкиваемся с реальной социологической проблемой, которая в более общем виде поставлена в методологии науки; «имея дело с анализом некоторого достаточно сложного предмета, представляющего собой систему, человек, как правило, строит несколько системных представлений в связи с разными частными познавательными задачами или в зависимости от имеющихся в его

распоряжении средств анализа. На определенном этапе исследования встает задача объединения этих представлений, выработки некоторого *синтетического системного знания*. Эта проблема относится к весьма высоким «этажам» теории системного исследования» («Социология в СССР», т. 1, стр. 90).

Ценностно-нормативную теорию общества не следует рассматривать как общую социологическую теорию. Скорее всего ее можно рассматривать как некоторую промежуточную концепцию, позволяющую перевести язык общей социологической теории на язык специальной социологической теории — теории личности. Специфика проблемы ценности верно подмечена О. Г. Дробницким. «За явлениями ценности, — пишет он, — часто скрывается проблема личности и общества, проблема включения жизнедеятельности индивида в движение социального целого» («Проблема ценности в философии», стр. 27).

Построение системной модели под данным углом зрения выдвигает ряд интересных проблем, которые социолог не может игнорировать, понимание которых необходимо для решения хозяйственных задач и задач идеологического воспитания и управления. Многие вопросы, касающиеся «оптимального» руководства, эффективности пропаганды, отношения к труду, престижа профессии и т. д., связаны с ценностно-нормативной концепцией. Сама терминология такого рода — социальная роль, престиж, ценностная ориентация, система ценностей, принятые нормы поведения — приобретает смысл в рамках данной концептуальной схемы. Плодотворность такого подхода при решении целого ряда проблем доказана социологическими исследованиями, осуществленными советскими учеными (см., например, В. Б. Ольшанский. Личность и социальные ценности. «Социология в СССР», т. 1; В. Н. Шубкин. Некоторые вопросы адаптации молодежи к труду. Сб. «Социальные исследования». М., 1965; сб. «Человек и его работа». М., 1967 и др.). Марксистская философия дает возможность определить значение данной социологической концепции, помогает марксистским социологам выяснить реальное содержание данной теории, уточнить пределы ее применимости.